

В. П. Алексеев

МИКРООЧАГИ, ОЧАГИ И ОБЛАСТИ ВЛИЯНИЯ В ОКУЛЬТУРИВАНИИ РАСТЕНИЙ, ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ В ДОМЕСТИКАЦИИ ЖИВОТНЫХ

Проблема происхождения производящего хозяйства все более становится в центр изучения ранних обществ, потому что это была первая серьезная модификация экономической основы жизни общества в ходе его истории, имевшая неисчислимые последствия в демографическом и историко-культурном отношении. К этой проблеме приковано сейчас внимание археологов, археозоологов и археоботаников, появилась новая отрасль археологического знания — энвайроментальная археология, т. е. исследование с помощью археологических методов географических условий жизни ранних обществ, в первую очередь древних собирательства, охоты, земледелия и скотоводства. Публикуемая выше статья затрагивает три момента в проблеме происхождения производящего хозяйства, которые кажутся ключевыми.

Первый из этих моментов — возникновение микроочагов культивирования растений и доместикации животных, а также их соотношение с первичными очагами.

Нельзя не подчеркнуть, что само понятие микроочага остается до сих пор недостаточно ясным и вызывает много вопросов. Сама идея микроочага принадлежит одному из старейших сотрудников Н. И. Вавилова П. М. Жуковскому и была предложена им на много лет позже оформления окончательных контуров учения о дискретности локусов перехода дикой флоры в культуру¹. Микроочаг — локус введения в культуру того или иного одного и только одного вида. Терминология ботаников и генетиков, пожалуй, более точна, чем в статье В. А. Шнирельмана, — они употребляют слово «микрочентр» или «микрочентре», оставляя слово «очаг» для обозначения более обширного локуса. Н. И. Вавилов в последних своих работах поступал наоборот, но в конце концов дело не в терминологии. Гораздо более интересно обсудить само понятие микроочага и выявить присущие ему силу и слабость.

Совершенно очевидно, что при предложенном П. М. Жуковским и проводимом в статье понимании микроочага налицо практически полное совпадение в структуре микроочагов возникновения культурной флоры и первичных очагов доместикации животных, так как все эти очаги представляют собой локусы одомашнивания отдельных видов при соотношении один локус — один вид. Это само по себе создает вполне отчетливые трудности, так как исходные микроочаги культивирования растений группируются в первичные очаги, тогда как для подобной группировки очагов доместикации отдельных видов животных в хозяйственные комплексы не остается соответствующего обозначения, что неудобно в практической работе и неверно по существу. Если какое-то растение вошло в культуру на очень ограниченной территории, т. е. в замкнутом пространстве, не имевшем в пределах первобытной ойкумены связей с остальным миром, то такой локус введения растений в культуру не может рассматриваться иначе, как первичный очаг возникновения и дальнейшего развития производящего хозяйства. Автоматически предполагается, что такие микролокусные очаги сливаются в более обширные очаги возникновения комплексного производящего хозяйства, опирающегося на культивирование нескольких злаков, бобовых и овощных культур. Досадным пробелом находящимся в нашем распоряжении археологических данных является то очевидное обстоятельство, что они фиксируют более или менее развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство, не давая нам пока возможности проникнуть в истоки перехода к производящей деятельности. Пожалуй, единственным исключением является информация о сборании диких злаков и содержании в неволе диких животных, но и в этом случае нужно реконструировать целостную систему поведения человеческих популяций, которая позволяла перейти от этих простейших актов к земледелию и скотоводству.

Эта система должна включать гораздо более глубокое понимание сезонных изменений климата, структуры почвы, ее специфики в разных ландшафтных зонах, умение управлять силами природы, т. е. учитывать геоморфологию, ландшафт и структуру почвенного покрова с точки зрения потребностей человеческих популяций (ирригация); должна иметь в виду изменения поведения животных при переходе от детского состояния к взрослому (вторичное одичание животных во взрослом состоянии), наконец, развитие механических способов воздействия на почву, растения и животных. Все перечисленные явления должны были вызывать соответствующие социальные изменения в обществе, появление новых социальных структур, обеспечивающих соответствующий хозяйственный эффект, наконец, то, что пока мало учитывается нашей наукой, но что несомненно займет значительное место в последующих исследованиях и что достаточно обстоятельно разрабатывается в первую очередь американской наукой — изменение поведенческих стереотипов в первобытных человеческих коллективах. Как, учитывая все эти сложные и достаточно разнообразные обстоятельства, перейти к пониманию формирования первичных очагов на основе микроочагов? Многие в этом процессе остаются недостаточно ясными и требует дальнейшей собирательской и

¹ Жуковский П. М. Мировой генофонд растений для селекции. Л.: Наука, 1970.

аналитической работы археологов, археоботаников, археозоологов. Но и этого недостаточно — культура развивается столь быстрыми темпами, что современная география культурных растений и животных, так же, как и их популяционная таксономия, тираются на наших глазах. Дело, столь блестяще осуществлявшееся Н. И. Вавиловым в отношении растений, Ю. А. Филипченко и Ф. Г. Добжанским — в отношении животных, если и может быть продолжено, то лишь в пределах отдельных небольших замкнутых в культурном отношении территорий. Но совершенно необходимы переосмысление и дальнейший анализ уже накопленных данных об изменчивости культурных растений и животных в свете новой обширной информации археологического, археозоологического и археоботанического характера. Только в этом случае возможен какой-то общий синтез, который опирался бы на современный уровень знания.

Не менее сложен второй момент — проблема перехода в ходе истории от первичных очагов производящего хозяйства к вторичным. Во-первых, по моему глубокому убеждению, в тщательном изучении нуждается характер этого перехода, характер передачи и усвоения тех или иных культурных растений и животных, усвоение их культивирования и разведения. Суммируя весь имеющийся опыт исследования этих процессов, можно, теоретически говоря, постулировать два способа, если употреблять современную терминологию, новой технологии: первый из них — перенос культивирования и разведения отдельных видов растений и животных при миграционных процессах, что нелегко проследить исторически, но что предположительно имело место при освоении земледелия и скотоводства, например, в Средней Азии; второй — медленное освоение соответствующих навыков и тех или иных видов domesticiрованных животных и растений, т. е. иными словами, культурная диффузия, столь интересно исследованная по отношению к древним эпохам Г. Вилклером и Г. Эллотом-Смитом. Подобная диффузия имела место при распространении земледелия, например, на Балканах. Второе обстоятельство, которое не менее важно, — неясность того, что можно называть вторичным очагом. Есть ли это перенос одного вида с территории его введения в культуру на новую территорию? В этом случае мы должны говорить о переходе исходного микроочага во вторичный очаг. Однако в предлагаемой системе понятий понятия вторичного микроочага нет. Переносится ли первичный очаг на новую территорию, если можно так выразиться, целиком? Несколько видов окультуренных растений и domesticiрованных животных с их собственной экологией, со специфическими требованиями к среде? В результате миграции? Но и в этом случае невозможно предполагать идентичности географических условий на исходной территории и на вновь освоенной, да и миграции видов на далекие расстояния трудно себе представить; растения могут мигрировать в виде переносимых людьми запасов зерна и рассады, животные же должны передвигаться на своих собственных четырех конечностях.

В этой ситуации гораздо более перспективным для дальнейшего анализа выглядит понятие области влияния, введенное Е. Н. Синской². Оно аккумулирует любые формы передвижения из одной области в другую, будь то прямая миграция, диффузия или перенос, и подчеркивает разнообразный масштаб освоения новой территории, начиная от формирования вторичных микроочагов производящего хозяйства и кончая, если позволили палеогеографические и ландшафтные условия, его распространением на обширных площадях. В то же время остается, конечно, научной задачей историко-культурная систематизация этих областей, их типология на фоне археозоологического и археоботанического изучения, изучение их внутренней структуры и географического районирования и т. д.

Наконец, третий момент — характер приручения домашних животных, в первую очередь поведенческие предпосылки процесса одомашнивания. Первым, насколько я знаю, обратил на это специальное внимание замечательный знаток копытных живот-

² Синская Е. Н. Историческая география культурной флоры. Л.: Колос, 1969.

ных И. И. Соколов³. Он справедливо писал о том, что дикие виды могли быть одомашнены лишь в том случае, если они имели в своих повадках такие черты, которые способствовали их сближению с человеком. Отсутствие сильной агрессивности и пугливости, биотопы, близкие к местам человеческих поселений, дневной образ жизни действительно могли облегчить процесс домостикации. После публикации статьи, на которую только что была сделана ссылка, появилось большое число исследований, посвященных той же проблеме, но все они одинаково исходят из современных поведенческих стереотипов домашних животных и соответствующих диких форм при реконструкции первых шагов приручения диких видов и превращение их в домашние. Между тем поведение животных в ходе эволюции теперь, когда его изучением стали активно заниматься представители самых разных областей знания, представляется чрезвычайно изменчивой категорией, чутко реагирующей и на динамику эволюционного процесса в целом, и на его дифференциацию на уровне разных таксонов. Трудно представить себе, как человек приручил лошадь, если она имела в момент приручения нрав, подобный нраву лошади Пржевальского. И напротив, легко понять, как произошло приручение, если предположить, что дикие лошади, как и другие дикие животные плейстоцена и раннего голоцена, гораздо меньше боялись человека, чем теперь. А основания для такого предположения есть — особое отношение всех диких животных, даже опасных хищников к человеку только и можно объяснить его многотысячелетней деятельностью по их истреблению.

Высказанные соображения ни в коей мере не исчерпывают всех сложностей в проблеме происхождения производящего хозяйства, но они представляют первостепенными в том отношении, что обозначают наименее изученные стороны процесса домостикации. Их исследование потребует еще длительной работы специалистов разных наук, среди которых археологии и исторической этнологии принадлежит далеко не первое место. Огромного прироста фундаментальной информации можно ожидать от зоологов, ботаников, зоотехников, агрономов, этологов, одним словом, представителей не исторического, а естественнонаучного знания. К сожалению, разработка ими интересующей нас проблемы почти прекратилась в СССР, и первейшая задача археологов и историков — оживить их интерес к этой проблеме, тем более что она блистательно разрабатывалась советским естествознанием в 30—40-е годы.

³ Соколов И. И. Биологические особенности домашних животных и их диких предков // Природа. 1955. № 3.